

НАПУТНОЕ СЛОВО

Русскому разговорному языку всегда были тесны рамки академических словарей. Во всякие времена не прекращалось народное словотворчество. И небылица написана от лица деревенского краснобая, балагура и чепушника, который обольщает нас вымыслами воображения, украшая сущность шутками-баламутками да бойкими речениями, забавляя слушателя догадочным значением деланных слов.

Часть I

ДАР

Давно я обещал тебе сказку со-врать про лесную ногу-босоту, про окаяшек-поганцев, водяных да леших. Начинаю баять, можешь ахать.

* * *

В глухом сибирском урмане на большой поляне, там, где мята вся примята, растёт ёлка, в ёлке — светёлка. Светёлка не светёлка, а

большое дупло. То дупло обжил лешачонок по прозвищу Кыля. Хряпка у него конопатая, рябая, будто на ней горох молотили, космы нечёсаны, ростом с пенёк, весь замшелый, ножки нараскоряку, а на ногах копытца. Характер у Кыли колготной да задорный. Другие окаяшки и тележного скрипу боятся, по гнилым лесным углам прячутся, схоронятся и кемарят, жизнь коротают. А Кыля не мог всидячку жить, сновал по кустам, всякие всячина делал, мычал да сгогатывал.

По соседству с ним в Комарином болотце проживал водяной Хлюпик. Сам худ, голова с пуд, лапки лягушачьи, глаза, как плошки. Носил Хлюпик шубугрей на рыбьем меху. Характер у него был

Марина Назимко – автор иллюстраций.

скверный, от сырости должно быть, чуть что – в нервы ударялся.

Назимко Марина Булатовна, в 2007 году защитила дипломную работу по специальности художник-монументалист в Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии. По окончании НГАХА, Марина Булатовна была принята в качестве преподавателя живописи на кафедру Рисунка, живописи и скульптуры, где и работает по сей день уже в течение пяти лет. Все эти годы Марина Булатовна успешно совмещает преподавательскую деятельность с творческой работой в области монументальной и станковой живописи. В их числе молодёжные выставки. В 2008 году участвовала в Новосибирской областной молодёжной художественной выставке «Ювенильное море». В 2011 году — V Межрегиональная молодёжная художественная выставка в городе Барнауле, на которой художнице был присужден диплом Барнаульского отделения союза архитекторов за лучшее воплощение темы «Человек и город». Так же участник выставок «Союза художников» без возрастных ограничений: Межрегиональной художественной выставки «Сибирь-IX» в городе Томске (2002 г.); Первой Новосибирской межрегиональной выставки «Красный проспект» (2011 г.); XLII областной художественной выставки «ART-НОВОСИБИРСК» (2012 г.). Персональная выставка в ноябре 2012 года в выставочном зале Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии хронологически завершает список выставок Марины Назимко, подводит итог пятилетней художественной деятельности, представляя соискателя как творчески активного и перспективного художника.

А ленивый – через губу не пере-
плюнет. За леность да брехливость
слыл Хлюпик в лесной глуши ин-
теллигентом.

В осёлки то было. Тихий морок
в лесу стоял. Небо серыми туча-
ми, как тряпками, завесило. Ста-
ла природа в дремоту впадать. С
утра лешачонок Кыля, забравшись
на макушку ёлки, черёмуховым
батажом тучи шугал, небо рас-
чищал. После в роще хлопотал,
падучие листья к веткам сухими
травинками привязывал. Измор, а
не работа. Притомился Кыля, до-
стал из своего дупла хлебальную
чашечку и почапал к Хлюпику в
гости чай пить.

Один бежок – вот и бережок.
Сел Кыля на краю болотца, при-
ятеля кличет, вылазь, мол, хроник,

на сухость, наставляй самовар,
принимай знакомца.

Заходили зыбуны, поднялась из
болотной трухи комариная туча,
вылез на кочку водяной Хлюпик,
бухтя недовольно.

Вытащили окаяшки из при-
брежных камышей утлый самовар,
распалили его еловыми шишками.
Сели на бережку, чай с бруснич-
ным листом швыркают, животы
разглаживают. Привыкли окаяшки
к простоте питания, ананасы в си-

бирских лесах в редкость.

Сидят рядком, говорят ладком.
О том, о сём перебирают. Стал
хлюпик лешачонку жалиться, ка-
кая с ним беда приключилась. За-
хотели люди согнать окаяшку с

бела света. Удумали человеки без-
рассудицу – осушить Комариное
болотце, чтобы на том месте рас-
садник культурности городить на-
вроде Питера. И тоскливо, и гнус-
ливо стало в бесей душе у Кыли,
душа у окаяшек не по-людскому
отзывчивая. Заплакал лешачонок,
слезами его Комариное болотце
ещё мокрее стало.

Засовестился Хлюпик, что
огорчение причинил сотрапезни-
ку. Решил водяной знакомца даре-
нием разбалагурить. Было у Хлю-
пика на дне болотца динозаврино
яйцо схоронено, большое, с двумя
желтками. Людям отдать его жал-
ко, девать некуда. Решил водяной
его лешачонку задарить. Выкатил
яйцо. Для пущей приятности рас-
писал его под хохлому. «Прими,
– говорит, – безвозмездно. Не уны-
вай здоровьем! Заходи когда ещё».
Поблагодарил Кыля Хлюпика за
щедродар и покатил яйцо к своему
жилищу.

Кыля – окаяшка умелый в рукомесле, быстро в своём дупле из мха да соломинок гнездо соорудил и яйцо туда затащил. А надо сказать, что на той же ёлке, где Кылино дупло было, жила мудрая сова Софья. Кыля к ней за помощью: «Софочка! Чем глазами лупать да дикими воплями лес безлюдить, стань моему дитёнку мамкой». Сова была птица не только мудрая, но и добрая, клюнула Кылю пару раз за его нахальные слова и согласилась. Стали они в очередь яйцо высиживать.

Всю зиму по переменке сидели в гнезде. Весной проклюнулся из яйца детёныш – чистый змей Горыныч, на всех зверей разом похож. Телом ящер, крылья, как у летучей мыши, и две головы со срамными рожами. Но для Кыли и Софочки краше их сыночка нет, для них он взрачный и гораздый; известное дело – родители. Назвали это чудо Агушей.

Агуша у родителей в нахвале. Растёт дракончик – не бит, не руган. В питании ему никакого отказа нет, хоть по три куска сахара в чай клади. Житьё у него беззаботное: лёг – свернулся, встал –

встрянулся, зацепился за пень – простоял весь день.

С появлением дракончика Агуши тесно стало в Кылином дупле, как в мышеловке. Чухом-пыхом вырыл Кыля сыночку нору под ёлкой. Стал баловень в норе жить.

Быстро растёт Агуша – растут и хлопоты у родителей. Беспокойное это дело – дракончиков вос-

питывать. Чуть день займётся, начинается канитель. То лось Агушу взбоднёт на макушку ёлки – он в

крик. То Агуша мухоморов облопается – живот вздует, снова вопли на весь лес. То дракончик в бесспросную отлучку сбежит. Кыля с Софьей по всему лесу как оглашенные носятся, ищут беспутного сыночка, а он с зайцем на дальность расстояния в бега бегаёт.

На верхушке лета, сразу, как горох отцвёл, прибыла к Комари-

ному болотцу учёная комиссия – доктор греческих наук Диоген и Акимыч. С ними корреспондентов табун. Толкутся на берегу, решают, с какого края ловчее то болотце осушить.

Учинили митинг. Дали слово Диогену. Диоген – мужчинка плешивый да карапузый. Зато одёжи на нём рублей на сто. Его как

белку бить можно. На нём галифе из бархату и пинджак узорочный – четыре полы, восемь карманов. По три ведра каждый карман. А что умён! Он и думать перестал, потому что всё знает. Речи у Диогена мудреные, как бублик, ни конца, ни начала. Долго тяжкодум гундел, всех на сон сморил. А под конец перекинул на счётах и говорит: «Надо этой местности участь переменить, дальше эту дикость природы терпеть – одни убытки. Все кочки да пенёчки под асфальт закатать подчистую и светофор поставить». Корреспонденты «ах» да руками мах, в аплодисментах рассыпаются, радуются что речь, наконец, закончилась, и пора к банкету переходить.

Вдруг из-за буреломной гнилой колоды показался дракончик

Агуша. Агуша был в том возрасте, когда есть ещё очень хочется. Только утренница отгорела, он обыкновенным делом прибёг к Комариному болотцу харчеваться лягушками и другими водожилыми животными. Видит Агуша, на его

гулевом месте народ человеческой национальности кучится и в лесной чащобе тишину безглагольную нарушает. Схоронился шныра да подслушал, какое ехидное дело удумали человеки. Понял дракончик, что нужду поймал. Осушат болотце, в коем столько питательности, вместе с болотцем от тощи и ему усохнуть на гербарий. От такого злополучия как взрвёт Агуша по-нехорошему.

Корреспонденты от этого ору застыли на месте, будто коченелые, глазами лупают, в толк не возьмут, что за исчадок такой страннообразный, откуда это диво – пятаком рыло. Потом опамятавались, окружили хныксу, давай его нянькать и лакомить сладостями. Корреспонденты, уж на что бессовестный народ, но и им стало дракончика жалко. Видят, зверь незлобный. Начали они роптать и в междоусобных разговорах неодобрение своё выражать в адрес Диогена. Осилит дракончика притеснением старый брюзгач, повыгубит начисто фольклорный элемент в сибирских лесах.

Видя такой оборот, взял слово Акимыч. Акимыч – человек своеобразный, бывалый, проходимец своих и чужих земель. Несмотря на его почтенное долголетие, учёных дипломов у Акимыча не было, но научный люд к его мнению прислушивался. «Земляки! – говорит Акимыч. – Потому как я своего отечества патриот естественный, предлагаю оставить эти места непочатыми, а вокруг болотца учредить лес заповедный и отуземить в том лесу дракончика. Заповедник предлагаю назвать именем классика российской словесности, сказителя былей и сочинителя небылиц, хорошо известного, чтобы я его здесь называл. Кто из вас против классика?» Супротив никого не нашлось. Все «за». Недолго Акимыч думал да ладно молвил. По-становили: «Нехай буде такочки!»

С сороками эта новость быстро по лесу разнеслась. Тут, конешным делом, стала нечистая чадь петь да смеяться. Кыля заиграл на дудочке плясуху. Водяной в лад с дудой в ладоши бил. Три дня гуляли, ни на кого не пеняли. Водяной Хлюпик поболе прочих радовался, знамо дело, не пришлось мыкаться, не на

что жалобиться. Щедрое подарение вернулось Хлюпику сторицей. Оно и понятно, сибирские еловые и сосновые трущобы отзывчивые эхом.

У нас повсюдный закон – как-во аукнется, таково и откликнется!

Часть II ОТДАР

Вот вам старая погудка на новый лад. Не сказка какая, а случай серьёзный. Так что, милоч, съешь ещё блинок, кашку покушай, сядь и послушай.

* * *

Возле ёлки лешачонка Кыли, в трёх шагах на восход солнца, под серым неподъёмным каменюкой прикопан неведомо кем схороненный горшок. Сам-то горшок старый, клеёный, берестой пелё-

натый, а содержательность в нём большая. Полон он монет золотых круглых да толстых, будто оладушки. Кыля на него попал, когда брошенную туристами консервную банку прикапывал для чистоты порядка на вверенной ему территории. Горшок с золотом – это клад, а при кладе в обязательном порядке должен быть кладовик. Не дело, чтобы в лесу ценности пропадали! Сколько их у нас, чай не Эрмитаж?!

В нашей глуши, была бы охота, хватает работы. Не берег Кыля свои силы от служебного износа. У лешачонка своих забот полон рот, почесаться некогда, а он ещё на полставки кладовиком заподрабывал. Стал окаяшка при кладе том начальником и дозорщиком. Ходит по лесу лёгкой руководящей походкой, палку из рук не выпускает, за горшком присматривает.

Час ждёт... Два ждёт... Уж все ждалки прошли, никто не нарушает границ спокойствия, а золота куча уже надокучила. Смирился лешачонок с отсутствием в лесу персонально чуждых элементов и взял себе отгул за прошлый прогул. Для проформы над схороненным кладом пугало заместо себя поставил. Надел Кыля рубаху с турецкими бобами, принарядился, стал натурально, как картинка журнальная, и беглым маршем прогулочку сочинил в район ближайшей природы к Комариному болотцу.

Вышел Кыля на бережок, где живёт закадычный дружок – водяной Хлюпик. Зовёт к себе знаконца на близкую дистанцию: «Поддай, дружка, голосок с болота в тёмный лесок». А в ответ тихо. Не случи-

лось ли лихо, не утоп ли проклятик в своём болоте? Долго Кыля на ор исходил, уж ослабел терпением и в истерику впал, на пузик упал, ручками да ножками по кочке бьёт, во все горло ревёт, но тут из тины показался водяной, со сна как ве-

ник растрёпанный и, дрёмных глаз не разлепив, спрашивает: «Товарищ! Вы тут давно кричите, уж не нужно ли вам чего?»

Засмеялся лешачонок: «Жив курилка! То-то радость, а то я забоялся, что уж и чаю не попью».

Сели благоприятели вокруг самовара по-киргизски, пирование устроили. Отпробовали крупней немножко, да кваса с морошкой, да разных уедчивых сластей по сорок горстей.

Кыля съел, сколько влезло, да ещё полстолько. От баловства пищей лопнуть окаяшка не боялся – чрево не дерево, растянется. Наглотался, аж пуговицу растянул, чтобы шов не треснул, коль вздохнуть придётся. В животе от избытка питания, словно лягухи квакают, а с болотца им местные водожилые животные отвечают. Так хорошо Кыле стало, аж плохо!

Сытость наступила. Ещё не весело, но уже не скучно.

Выползли сотрапезники от самовара на бережку раздышаться, берег меряют взад и вперед, проминают себя для моциону.

Окаяшки, когда не работают и чай не пьют, излишек жизни для прочности на физкультурные игры тратят.

Кыля и говорит: «Нынче все лесные жители безрасходную энергию тела тратят тем, что блин-

чики по воде пускают ручной силой. Вот кабы мы оба-двое такое же игрище учинили, я бы тебя конешным делом заборол в состязаниях».

А Хлюпик что-то соглашаться не стал торопиться и составил ему оппозицию. «Обрыбишься, – го-

ворит. – Ты больно горяч, норов-то спрячь». Заспорили. Один задержиха, другой неспустиха. Кыля раздражил характер, азартится, аж кипяток к вискам приливает, запунцовился весь. У Хлюпика глаза налились голубой кровью. Как спор разрешить? Постановили водную олимпиаду организовать, чтобы сомнения развеять и все точки над «и» расставить, а за одно и над «ё». Кто выиграет, тому в презент елова шишка, одну как раз не успели в самоваре спалить. А кто проиграет – не бучится.

Стали камни-голыши искать. Всё болотце обрыскали, никаких минералов не нашли. Вокруг растут всё больше непищевые бедные травы да брусника по кочкам. Вспомнил Кыля про имуществовен-

ный горшок с казной золотых монет. Они, конечно, не так хороши, как плоские голыши, но тоже сгодятся. Пришлось лешачонку в обратную сторону к родной ёлке землю копытить. Хлопотливым спехом отрыл окаяшка горшок, изобразил на рожице эмблему чувства досады и об каменюку его – хрясть, монетки брызнули врассыпную, как тараканы от света. Долго лешачонка в золотых листьях золотые монетки искал. Еле собрал.

Набил Кыля деньгой полные карманы. Да только не выдержала резинка, упали штанишки, отбил окаяшка правую ножку, аж взревел от боли по-нехорошему. Привязал Кыля помочь из крапивной верёвки, чтобы штанишки поддержать. Тут уже карман не выдержал, порвался, зашиб окаяшка другую ножку. Ковыляет лешачонка по извилистой тропинке, прихрамывая на обе ноги, будто пританцовывает. На земле от палых листьев, словно кто платок постлал. Под сухими листьями колдобин не видать. Лешачонка всю дорогу только ухал, кричал, да деньгой брякал.

Другим разом пожаловал Кыля знакомого посещения. Для доброй потехи раскошелился окаяшка, поделил денежки поровну. «Позвольте, – говорит, – уважаемый Хлюпик, за всё хорошее вам преподнести».

Учинили нечистики ристалище, зачали золотыми монетками блинчики по воде пускать. Расшеперился Кыля, закрутился на месте волчком и, махнув рукой, нарушил покой. Водожилые обитатели раздались в два конца Комариного болотца. На его могучий мах Хлюпик только «ах».

Кыля мечет монетки криво да игриво. Они у него лягухами по воде скочут – блин, блин, блин.

А Хлюпик бросит – пузырями забулкочут – и лицом в грязь. Лешачонка только раз неловко монету метнул, с тех блинчиков у Хлюпика одного зуба в переднем строю не стало. Весь день знакомцы на болотце мятежили до последней возможности и вели себя малолетним образом.

Где вода была, там и будет; куда деньга пошла там и скопится. Деньги – что галки: всё в стаю сбиваются, и скоро все монетки на дне Комариного болотца оказались. Тут и окаяшек угомон взял.

Хлюпик в общем темпе жизни отличался слабосильностью и задумчивостью – одни вздохи да охи. Организм у водяного не приноровлен для спортивных обстоятельств. Изнемог проклятик, скуксился весь, сидит, раскис, по бокам развис. Руки трясутся, точно кур воровал. Рожа по пятую пуговицу вытянулась. Над его головой две лягухи веерами для температуры машут.

Кыля хоть и тоже умучился, будто воз вёз, да сильно сожалел водяного, что показал своё над ним преимущество. Чтобы занять голову знакомого бесперебойной мыслью и отвлечь тоску от сердца, лешачонка говорит: «Теперь, Хлюпик, вся казна у тебя на схранении. Можешь ли так соответствовать, чтобы даже во сне не жмуриться, а всё клад стеречь?»

Водяной лешачонку отвечивал: «Этим вопросом вы нас много обижаете. Сколько в лесу клад ни пастушь, знамо дело, не устрожишь, а на дно укладенные монетки сохраннее будут. Будьте покойны!»

На том и порешили. Песню спели для перемены чувств, характер в норму привели. Впору и в нору. Кыля с пустой мошной да с при-

зовой шишкой восвоеси загоношился. Почеломкались окаяшки на прощание и по своим углам уволоклись.

От тех утех нечистики совсем разных мыслей сделались.

Сидит Хлюпик в своём болоте, сияет, как апельсин, от удовольствия, не знает, на чём записать такое счастье. Был он окаяшкой простого звания со срамной рожей, а нынче материально ответное лицо – кладовик. Раньше проклятик жил благодаря одному зарождению, коего не помнил, а как принажился нежданно, в его жизни смысл появился. Теперь вся лыком шитая лесная мелкота узнает его значение и характеристику. Вот!

А что лешачонок? Сидя на краю родного дупла с лицом счастливого самочувствия, Кыля задержался вниманием на красоте пейзажа, на золоте осенней неизбежности,

а о кладе даже в голову не думал и не воображал о нём воспоминаний, ведь золотые краски осени много лучше, чем золотой металл. Не ведаю как в других местах, а в сибирских лесах по давно заведённому порядку каждый год золотая осень бывает, когда природа наша из простоты к великолепию возвышается. И стоят деревья, красотой очарованные, как на прятке намалёванные, до самых белых мух.

В эти неповторяемые дни безмятежного лесного жития осеннее солнце безрасчетно расточает остатки тепла на всякую тёмную мелочь лесную. Не горевал лешачонок, что капитал прожил и в убыток пришёл, что разжаловали его в первобытное состояние. Замлел нечистик на пригреве да и всхрапнул. Спи Кыля.

Без золота сон крепче!

